

УДК 81-119

DOI 10.17516/2311-3499-081

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

С.Л. Кушнерук, А.П. Чудинов

В статье рассматриваются особенности становления лингвистики информационно-психологической войны в российском научном пространстве. Анализируются отечественные публикации, извлечённые из электронной библиотеки Elibrary по тематическим рубрикам «Языкознание» и «Массовая коммуникация», которые посвящены проблемам информационного противоборства. Цель работы – установить, как развиваются идеи лингвистики информационно-психологической войны в последние два года (2017–2018 гг.) после того, как научное направление было впервые обосновано в рамках политической лингвистики. Частная задача – определить, в чем заключается общность лингвистических взглядов российских учёных на сложное явление информационно-психологической войны. Применяется аналитико-описательный метод, включающий методики наблюдения, обобщения, интерпретации. Утверждается, что лингвистика информационно-психологической войны имеет дискурсивное измерение, выявляются особенности, которые характеризуют её текущее состояние: методологическая неоднородность, рекуррентность топосов, терминологическая вариативность, использование смежных понятий. Доказывается, что информационно-психологическая война трактуется как медиадискурсивный конструкт, систематизируются его основные характеристики. Формулируется нерешённая теоретико-методологическая проблема, связанная с отсутствием разработанных критериев отнесения речевого произведения к оружию информационно-психологической войны. Полученные результаты могут оказаться полезными филологам с точки зрения дальнейшей разработки общей теории языка информационного противоборства, а также лингвистических основ противодействия угрозам в информационной сфере.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; лингвистика информационно-психологической войны; политическая лингвистика; медиалингвистика; российская лингвистика.

LINGUISTICS OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR IN THE MAKING: METHODOLOGICAL HETEROGENEITY AND FIRST RESULTS

S.L. Kushneruk, A.P. Chudinov

The paper focuses on theoretical and methodological aspects of the development of one of the latest trends in Russian discourse studies – linguistics of information-psychological war. The analysis involves publications, retrieved from Russian electronic library (“Elibrary”) under a thematic subject heading “Linguistics” and “Mass communication”, all of which being dedicated to the problems of information confrontation. The main objective is to specify how linguistics of information-psychological war has been developing since 2017, when the research trend was initially proposed by a group of Siberian scholars. Minor task is to determine, what ideas constitute a common ground for Russian scholars, that try to unravel the linguistic mechanisms, underlying the complex phenomenon of information-psychological war. Analytical-descriptive approach, including methods of observation, generalization, and interpretation, is employed. It is argued that linguistics of information-psychological war has acquired discursive dimension. It features methodological heterogeneity, recurrence of themes, terminological variability, use of related concepts. It is proved that information-psychological war is treated as a

construct, textualized in media discourse. The major theoretical and methodological problem is outlined, which relates to the absence of relevant criteria that could be adequate to identify texts as means of information-psychological war. The results can be used to extend the scope of linguistics of information-psychological war and to increase its capacity for working out the linguistic bases of counteraction to threats in media sphere.

Keywords and phrases: *information-psychological war; linguistics of information-psychological war; political linguistic; media linguistics; Russian linguistics.*

Введение

В последнее пятнадцатилетие усиливается интерес лингвистов к информационно-психологической войне (далее – ИПВ) как коммуникативной технологии воздействия на массовое сознание. По данным общероссийской электронной библиотеки Elibrary (<https://elibrary.ru/>), в период 2003–2018 гг. в ней зафиксировано 713 научных публикаций, авторы которых обращаются к изучению этого сложного феномена (Рис. 1). Углубляются представления о возможных аспектах исследования информационного противоборства с учётом технических, экономических, аксиологических, медийных, коммуникативных, психологических, семиотических, когнитивных особенностей реализации ИПВ в дискурсе, а также возможностей лингвистического моделирования [Кушнерук, Курочкина 2019].

Рис. 1. Частотность индексирования словосочетания «информационная война» в электронной библиотеке Elibrary

Цель настоящего исследования – установить, как развиваются идеи лингвистики ИПВ в работах отечественных филологов после того, как в 2017 году новое научное направление «заявило о себе». Частная задача – выявить, в чем заключается общность взглядов филологов на сложное явление ИПВ. Поскольку статья носит теоретический характер, в качестве материала для исследования избраны публикации российских учёных за 2017–2018 гг. (общее число – 221 работа), извлечённые из библиотеки Elibrary методом сплошной выборки по тематическим рубрикам «Языкознание» и «Массовая коммуникация». В процессе исследования применяется аналитико-описательный метод, включающий приёмы наблюдения, интерпретации и обобщения.

Результаты исследования и обсуждение

Возникновение лингвистики ИПВ связывается с выходом в свет основополагающей коллективной монографии (А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова, Г.А. Копнина, Б.Я. Шарифуллин) под редакцией профессора А.П. Сковородникова [Лингвистика ... 2017]. В ней

впервые обосновано новое научное направление в рамках политической лингвистики, обозначено его предметное поле, междисциплинарные основания (философские, психологические, политологические), представлена проблематика и основной терминологический аппарат. Публикация получает высокую оценку в рецензиях отечественных специалистов [Веснина, Нахимова 2017; Дударева, Нахимова, Рязанцева 2017].

Разумеется, работа по исследованию отдельных аспектов ИПВ и языка противоборства велась филологами много раньше появления указанной монографии, преимущественно в рамках политической лингвистики [Бернацкая 2016; Борисова 2016; Васильев, Подсохин 2016; Иванова 2016; Красовская 2016; Синельникова 2014; Чудинов 2014, 2015; Чудинов, Цыганкова 2016 и др.]. Эти труды, равно как и труды нелингвистов – военных, политологов, правоведов, историков, социологов, философов, журналистов, – следует рассматривать как необходимое для оформления научного направления предпосылочное знание.

Они предшествуют появлению комплексной дисциплины, акцентирующей внимание на использовании информации с целью нанесения ущерба противнику через языковое воздействие на когнитивные схемы интерпретации действительности. Отметим, что их обсуждение остаётся за рамками нашей статьи, поскольку критический анализ наиболее значимых в указанном отношении научных произведений уже производился [Лингвистика ... 2017: 8–22].

Осмысление существующих научных публикаций, посвящённых феномену информационного противоборства, позволяет сформулировать положения, которые характеризуют лингвистику ИПВ рассматриваемого периода.

Лингвистика ИПВ занимает место в «филологической федерации». Обратимся к ее понятийно-терминологическому аппарату. Обобщённый объект лингвистики ИПВ – использование языка как средства ведения информационно-психологических войн. В рамках названного направления современного языкознания определяется и закрепляется ключевой термин: **информационно-психологическая война** – то есть «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путём намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия» [Лингвистика... 2017: 13].

Лингвистика ИПВ имеет дискурсивное измерение. В последние два года лингвистика ИПВ реагирует на «дискурсивный поворот» (Э.В. Будаев, А.П. Чудинов), всё больше приобретая дискурсивное измерение. Об этом свидетельствует появление второй монографии, посвящённой языку информационного противоборства в его языковом выражении в разных дискурсивных практиках [Лингвистика... 2019], а также многочисленных научных статей, в которых ИПВ рассматривается как дискурсивный феномен (см. библиографический список). Лейтмотивом большинства российских публикаций является мысль о том, что ИПВ разворачивается в СМИ и характеризуется трансляцией деструктивных смыслов, искажением фактов, психологическим и языковым воздействием на аудиторию читателей.

Согласно Закону РФ «О средствах массовой информации», под СМИ понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием» [Закон РФ 2019]. Дискурсологи трактуют СМИ как совокупность публикуемых текстов, предназначенных для неограниченного круга лиц и распространяемых по соответствующим каналам. Язык СМИ представляет собой особый дискурс, специфика которого обусловлена тем, что основной целью массовой коммуникации в настоящее время является не столько информирование граждан, сколько распространение информации для оказания воздействия на общество [Высоцкая, Петрова 2018].

Поднимая вопрос о стадийности развития языка российских СМИ, выделяют три «новейших» (постперестроечных) периода в его становлении:

1) 1991–2005 гг. – «карнавализация» языка (период антинормы, категоричность оценок, речевая агрессия);

2) 2005–2014 гг. – законодательное регулирование языка СМИ (освобождение текстов от оскорблений, инвективной, обценной лексики, назначение лингвистической экспертизы);

3) с 2014 г. по настоящее время – новые информационные войны (политические кризисы как факторы трансформации языка СМИ): «становятся востребованными прямые идеологические оценки, словесные ярлыки, активизируются технологии манипуляционного воздействия» [Высоцкая, Петрова 2018: 43].

Следует согласиться с тем, что текущему периоду развития языка российских СМИ свойственна «повышенная идеологизация», которая находит выражение в представлении Запада как «экзистенциального противника» [Там же: 43]. Считаем, что такое положение дел можно рассматривать как частное проявление общемировой тенденции усиления оппозиционной модели «свои – чужие» в СМИ в контексте существующей геополитики.

ИПВ рассматривается как феномен медиадискурса. Определяя исходные позиции для исследования информационного противоборства в СМИ, российские специалисты подчёркивают, что информационные войны ведутся за общественное сознание. Подобные утверждения выступают в качестве аксиом, сам феномен информационной войны, как правило, не вызывает у авторов сомнений и, в силу кажущейся очевидности, в ряде случаев не получает конкретного определения. ИПВ в таком случае воспринимается как «состояние медиадискурса, которое заключается в последовательном и систематическом конструировании реальности, причиняющей вред какому-либо объекту и / или его образу, функционирующему в медиадискурсе» [Проблемы конструирования идентичности ... 2017: 33].

В феноменологическом отношении ИПВ присущи формы ограничения реальности, которые создаются в СМИ в соответствии с интересами политических и экономических элит, что часто приводит к искажённой медиакартине. Считаем возможным систематизировать наиболее существенные характеристики ИПВ, выделяемые специалистами при анализе СМИ разной направленности:

1) ИПВ – это **дискурсивный** конструкт, наличие которого осознаётся в результате конструирования медиареальности;

2) ИПВ репрезентируется в СМИ как **ненормативный** феномен: все, кто её ведёт, оцениваются отрицательно;

3) **субъектами** ИПВ выступают две противоборствующие стороны (субъект-1 – инициатор и субъект-2 – противостоящий инициатору субъект);

4) **объектом** ИПВ является сознание целевой группы или отдельных индивидов (аудитория читателей), **мишенью** – стороны действительности, негативно оцениваемые в СМИ;

5) **инициатор** ИПВ не совпадает с **актором** ИПВ в случае, если первый является заказчиком (властные элиты), а второй – исполнителем (орган СМИ);

6) ИПВ находит регулярное проявление в дискурсивном конструировании **образа врага** (Запада, России, США, Великобритании и пр.);

7) ИПВ может быть **внутренней / односторонней**, когда субъект, относительно которого создаётся образ врага, не знает об этом;

8) ИПВ наносит **урон** не субъекту противоборства, а объекту в виде иррационального воздействия, задаваемого текстовой экспрессивностью, что ведёт к усилению тревожности и беспокойства массового адресата;

9) **парадокс** ИПВ: утверждение стороны А о том, что некая сторона В ведёт ИПВ, вместе с тем утверждает причастность А к ИПВ против В [Проблемы конструирования идентичности ... 2017: 35].

Подчеркнём, что в отечественных научных публикациях часто отсутствует единообразие в выборе рабочего термина, что влечёт регулярную синонимическую замену терминосочетаний *информационно-психологическая война* и *информационная война* в том числе в пределах одной статьи. Бросается в глаза методологическая неоднородность современных исследований. Она обнаруживается в сосуществовании разных подходов и методик, используемых для изучения противоборства в информационной сфере. Сопутствующими такому положению дел обстоятельствами являются рекуррентность топосов, терминологическая вариативность и использование смежных понятий, соотносимых с базовым термином.

1. Рекуррентность топосов в исследованиях ИПВ. Термин *топос* мы избираем для обозначения тематических центров, характерных для научных публикаций обсуждаемого периода, соглашаясь с тем, что топосы не ограничиваются набором общих тем, но также представляют собой аксиологические центры, позволяющие расставить ценностные акценты в дискурсе [Дубровская, Рева, Кожемякин, Ярославцева, Арехина 2017]. Топосы имеют контекстуальную обусловленность и способствуют формированию схожих выводов относительно особенностей реализации ИПВ в СМИ. В российском научном пространстве регулярно обнаруживаются топосы, которые можно объединить на основе деятельности институтов по удовлетворению потребностей общества в области внешней и внутренней политики:

а) **внешняя политика:** *российско-американские отношения* [Кошкарова, Руженцева, Зотова 2018; Озюменко 2017]; *российско-британские отношения* [Кушнерук 2018; Россия глазами Европы 2018; Тагильцева 2018]; *российско-германские отношения* [Россия глазами Европы 2018; Уразаева, Морозов 2017]; *германо-американские отношения* [Голодов 2018]; *российско-украинские отношения* [Кошкарова, Руженцева, Зотова 2018; Лаухина, Туркин 2017; Цыцаркина 2018; Шулежкова 2017]; *ситуация в Сирии и на Ближнем Востоке* [Зарипов 2017; Озюменко 2017; Шулежкова 2017; Юсупова, Теплых 2017]; *цветные революции* [Шулежкова 2017];

б) **внутренняя политика:** *национально-гражданская идентичность* [Проблемы конструирования идентичности ... 2017]; *религия* [Копнина 2017]; *семья* [Прилукова 2018]; *спорт: олимпийские игры в Сочи 2014 г.* [Шулежкова 2017]; *чемпионат мира по футболу 2018 года* [Голодов 2018; Коцюбинская 2018; Кошкарова 2018; Россия глазами Европы 2018]; *культура: роль художественной литературы в ведении ИПВ* [Бернацкая 2018; Лингвистика ... 2019].

2. Терминологическая вариативность в исследованиях ИПВ. Одно и то же явление обозначается по-разному: *информационная агрессия / медийная агрессия / информационное давление; фейковые новости / фальшивые новости / медиафейки; стратегия диффамации / метод диффамации* и др. В последнем случае, например, не ясно, чем отличается *стратегия диффамации* от *метода диффамации*. Сочетание лексемы «метод», имеющей закреплённое содержание в методологии лингвистики, с лексемой «диффамация», используемой при характеристике текстов общей дискредитирующей направленности, представляется не вполне уместным, если речь идёт коммуникативно-прагматическом уклоне исследования, когда автор фокусирует внимание на выявлении специфики организации речи в интенциональной плоскости. В этом случае предпочтительным считаем терминосочетание стратегия диффамации.

В ряде случаев российские специалисты используют понятия, границы которых нечётко обозначены. С нашей точки зрения, их содержательный объём остро нуждается в уточнении. Например, при описании ИПВ в зарубежных СМИ нередко обсуждается феномен, либо *эффект демонизации*. В одних публикациях демонизация характеризуется как дискурсивная практика, в других – как приём манипулятивного воздействия, в иных альтернативах – как стратегия речевого воздействия, реализуемая для преднамеренного введения читателей в заблуждение. Очевидно, что применительно к ИПВ требуется большая определённости в их разграничении.

3. Круг смежных понятий в исследованиях ИПВ. В настоящее время в лингвистике закрепляется круг смежных понятий, описывающих составные части ИПВ и способы информационного противоборства: *информационная атака, постправда, фейк, дезинформация*

[Иванова 2017; Корецкая 2017; Коцюбинская 2018а; Кошкарова 2018; Самкова 2018; Чанышева 2018]. В содержательном отношении перечисленные феномены предполагают использование ложной, либо искажённой информации и исследуются аспектно, как правило, на лексическом уровне.

Так, семантический анализ словосочетания «информационная атака» осуществляет Л.В. Коцюбинская. Объём понятия раскрывается как целенаправленное, спланированное, массированное, информационное воздействие на адресата в соответствии с поставленными организаторами задачами. Оружием информационных атак названы слова, картины, образы [Коцюбинская 2018а].

Большой интерес для исследования представляет феномен постправды. Изначально в английском языке слово *post-truth* – прилагательное, в русском языке регулярно употребляется существительное постправда. Согласно словарю «Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus», *post-truth* (adj.) – *relating to a situation in which people are more likely to accept an argument based on their emotions and beliefs, rather than one based on facts* (<https://dictionary.cambridge.org/>). Лексема используется для характеристики ситуации, в которой люди с большей вероятностью принимают аргументы, основанные на эмоциях и убеждениях, чем на фактах.

Е.А. Иванова рассматривает феномен постправды как политический неологизм, получивший широкое распространение во время президентской предвыборной кампании в США (2016 г.). Анализируется языковая репрезентация и оценка этого явления англоязычным сообществом [Иванова 2017]. Представляется, что появление неологизма *post-truth* / *постправда* в указанное время нужно также связывать со стремлением медиаменеджеров к эвфемизации для достижения смягчения речи при описании негативных процессов.

Как многие другие эвфемизмы, используемые в условиях ИПВ (*задержание* вместо *ареста*, *эвакуированное население* вместо *беженцы* и др.), лексема постправда на первый взгляд имеет несколько расплывчатую семантику. Фактически же она выполняет роль «горького лекарства в сладкой оболочке». Уместным здесь считаем метафорическое высказывание М.Л. Ковшовой (<https://sn.ria.ru/20150826/1208057832.html>), потому что ложь и обман (явления негативные, «горькие», осуждаемые в обществе) «прикрываются» правдой (явление морально одобряемое, ассоциируемое со справедливостью и честностью), хоть в некоторой степени ограниченной и/или переосмысленной (*post-/nocm-* имеет значение «возникший после того, что обозначено мотивирующим словом»).

Выходя за пределы лексикологического анализа, широкую трактовку постправды даёт 3.3. Чанышева. Предпринимается попытка обосновать лингвистику постправды как автономное научное направление, исследующее информационные искажения, ложь, слухи, домыслы, сплетни, непроверенную информацию, анонимные сообщения [Чанышева 2018: 278].

Возникновение лингвистики постправды, на которое указывает автор, пока ещё очень сомнительно в силу «младенческого возраста» самого феномена, отсутствия систематических лингвистических данных и недостаточной разработанности теоретико-методологических оснований. Однако нельзя не согласиться с тем, что постправда как постмодернистское явление, связанное с распространением ложной информации эмоционального характера, входит в повседневную практику производства новостей.

Феномен постправды в медиакоммуникации отражает снижение роли фактов и доказательств. Эту ситуацию комментирует профессор С.В. Чугров: «В мире постправды эмоции замещают факты, а фейки – новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности» [Чугров 2017: 42]. В таком понимании серьёзной методологической проблемой становится разграничение постправды и фейка. Последний чаще всего относят к приёмам манипулирования общественным мнением и называют средством ведения ИПВ [Корецкая 2017; Кошкарова 2018, Цыцаркина 2018].

В стилистическом отношении фейковые новости создаются как «настоящая новость», но являются ложными полностью или частично, непроверенными, поддельными. Н.Н. Кошкарлова устанавливает маркеры фейковых новостей, а также рассматривает соотношение понятия *факт* и *фактоид* в современной журналистике. Вырабатываются рекомендации относительно того, как распознать фейк: 1) обращать внимание на количество перепечаток; 2) проверять, кому принадлежит тот или иной материал или информация; 3) анализировать текст с лингвистической точки зрения; 4) пользоваться интернет-ресурсами для проверки подлинности фотографий; 5) быть взыскательным и требовательным читателем: не доверять броским заголовкам, непроверенной информации, полагаться на имеющийся опыт и знания политической ситуации [Кошкарлова 2018].

Подобные статьи являются первым шагом на пути систематизации дискурсивных факторов, влияющих на производство фальсифицированных историй и их восприятия аудиторией. При сохранении научной траектории они смогут привести к представлению релевантных критериев для отнесения новости к категории фейка.

Попытка изучения лингвопрагматической организации дезинформирующего медиатекста производится М.А. Самковой. В авторском варианте реализация стратегии дезинформации исследуется методами лингвопрагматического и позиционного анализа с применением методики исследования лексических ритмов суггестивного текста [Самкова 2018]. Нельзя не согласиться с тем, что изучение дезинформации на текстовом уровне актуально и своевременно. Думается, однако, что процесс осмысления может оказаться более результативным для лингвистики ИПВ в случае выхода за рамки лексического уровня анализа и использования междисциплинарных связей. Такая установка позволит обеспечить глубокое понимание того, что можно считать элементами дезинформации и внести большую ясность в соотношение понятий *дезинформация*, *манипулирование*, *ложь*, *обман* применительно к медиакommunikации.

4. Нерешённая теоретико-методологическая проблема в исследованиях ИПВ. Открытой лингвистической задачей в исследованиях дезинформации остаётся вопрос о квалификации медиатекста как вводящего в заблуждение. Представляется, что она напрямую связана с более крупным «камнем преткновения» в поле лингвистики ИПВ – выработкой критериев отнесения речевого произведения к оружию информационного противоборства. Несмотря на то, что положения, согласно которым речевое произведение можно квалифицировать как информационно-психологическое оружие, активно обсуждаются отечественными учёными [Бернацкая 2018; Копнина 2017, 2018], методологическая проблема далека от окончательного решения.

Производится попытка выделить отдельные признаки текстов ИПВ, такие как подача бездоказательных утверждений, в том числе генерализирующего характера, в форме вопросительных конструкций и др. [Копнина 2017]. Наиболее убедительно звучат рассуждения А.А. Бернацкой о признаках идеологической ангажированности текста, устанавливаемых в связи с качественно-количественной интенсивностью идеологического компонента содержания. Применительно к текстам литературы это предполагает анализ имеющейся «идеологической истории» произведения и его автора (биография, рецензии, интервью). При анализе текстов, конституирующих дискурс, важно учитывать контекст создания речевого произведения в совокупности интра- и экстралингвистических факторов. Помимо названных, критерием отнесения произведения (или его частей) к оружию ИПВ можно считать «стабильно негативный вектор оценочности по отношению к основным объектам и мишеням манипулятивного воздействия» [Бернацкая 2018: 72].

Выводы

Лингвистика информационно-психологической войны вызывает повышенный интерес филологов и находится в активной разработке. Методологическая неоднородность и терминологическая вариативность отечественных исследований свидетельствуют о «нащупывании» путей в изучении языка информационного противоборства и являются приметой

«молодого» лингвистического направления в стадии становления. Вместе с тем за явным разнообразием целей и задач существующих публикаций лежит принципиальное единство понимания ИПВ как дискурсивного феномена. Оно отражает согласие учёных относительно того, что информационно-психологическая война имеет преимущественное распространение в дискурсе СМИ.

Одна из важнейших задач лингвистики ИПВ на данном этапе видится нам в терминологической унификации используемых понятий для совершенствования методологического аппарата и его применения в более широком кругу исследований. Необходимо расширить типологию феноменов, близких по содержанию к понятию ИПВ, установить их соотношение с учётом когнитивных, коммуникативных, социальных и идеологических факторов и предложить релевантные методики анализа в медиадискурсе. Полученные результаты могут оказаться полезными с точки зрения разработки лингвистических основ противодействия угрозам в информационной сфере.

Литература

Бернацкая А.А. Симптомы информационно-психологической войны, или чем пахнет покинутая родина (на материале романа М.П. Шишкина «Венерин волос») [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 239–258. URL: <https://clck.ru/JuG6C> (дата обращения: 16.07.2019).

Бернацкая А.А. О легитимности анализа художественного текста в аспекте информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 67–79. URL: <https://clck.ru/JjKUf> (дата обращения: 16.07.2019).

Борисова Е.Г. Лексическая номинация в информационных войнах // Вестник Московского городского педагогического ун-та. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1 (21). С. 61–65.

Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10–16.

Веснина Л.Е., Нахимова Е.А. Информационно-психологические войны в России // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 140–145.

Высоцкая И.В., Петрова Н.Е. К проблеме периодизации языка современных российских СМИ // Вопросы журналистики. 2018. № 3. С. 36–47.

Голодов А.Г. «Футбольный фланг» информационной войны (на материале немецкой массовой прессы) // *Studia Germanica, Romanicaet Comparatistica*. 2018. Т. 14. Вып. 2–3 (40–41). С. 5–18.

Дубровская Т.В., Рева Е.К., Кожемякин Е.А., Ярославцева Я.А., Арехина Д.В. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: коллективная монография. М.: Флинта: Наука, 2017. 248 с.

Дударева З.М., Нахимова Е.А., Рязанцева Т.Ю. Лингвистика информационной войны против России, русского языка и православия: теория, методика и практика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 48–53.

Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. 06.06.2019) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <https://clck.ru/DFK9Z> (дата обращения: 16.07.2019).

Зарипов Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 76–85.

Иванова Е. А. Лингвистический феномен пост-правды в англоязычном политическом дискурсе» [Электронный ресурс] // Вестник ЧГПУ. 2017. № 9. С. 154–159. URL: <http://discourseworld.ru> (дата обращения: 1.08.2019).

Иванова С.В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны : создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28–37.

Копнина Г.А. Речевые тактики и приёмы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.

Копнина Г.А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 7–19.

Корецкая О.В. Фейковые новости как объект изучения медиалингвистики (на материале англоязычных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). Ч. 1. С. 118–120.

Коцюбинская Л.В. Метафорическое представление информационного события «спорт России» в британских средствах массовой информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 87–90.

Коцюбинская Л.В. Семантическое описание лексической единицы «информационная атака» [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018а. № 1. С. 95–100. URL: <https://clck.ru/JkgSt> (дата обращения: 1.08.2019).

Кошкарлова Н.Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестник ТГПУ. 2018. № 2 (191). С. 14–18.

Кошкарлова Н.Н., Руженцева Н.Б., Зотова Е.Н. «Российская агрессия по-американски» и «российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74–81.

Красовская О.В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 53–59.

Кушнерук С.Л. Медиареальность информационно-психологической войны (на материале британских газет и новостных сайтов) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 47–54.

Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Информационная война: аспекты исследования и перспективы когнитивно-дискурсивного моделирования // Когнитивные исследования языка. Вып. 37: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы междунар. конгресса по когнитивной лингвистике (16–18 мая 2019 г.). Нижний Новгород: Изд-во ДЕКОМ, 2019. С. 764–769.

Лаухина С.С., Туркин А.О. Способы языкового манипулирования в российско-украинском информационном конфликте // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 4. С. 6–9.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга II / А.А. Бернацкая, Л.А. Гаврилов, В.А. Жилина [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203–220.

Прилукова Е.Г. Семья как мишень информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 118–126. URL: <https://clck.ru/JsWU6> (дата обращения: 1.08.2019).

Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография / О.И. Асташова, Э.В. Булатова, Л.В. Енина и др., под ред. Э.В. Чепкиной. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.

Россия глазами Европы. Имидж страны через призму языка: монография / М.М. Русяева, Е.Б. Нешина, Е.Ф. Черемушкина. Саранск, 2018. 124 с.

Самкова М.А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) [Электронный ресурс] // Экология языка и

коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 96–115. URL: <https://clck.ru/JsWYL> (дата обращения: 1.08.2019).

Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95–101.

Тагильцева Ю.Р. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 92–104. URL: <https://clck.ru/JsWeV> (дата обращения: 1.08.2019).

Уразаева Н.Р., Морозов Е.А. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? // Мировая политика. 2017. № 3. С. 141–154.

Цыцаркина Н.Н. Информационная война и лингвокогнитивное моделирование вооружённого конфликта в политическом медиадискурсе // Вестник Курганского государственного ун-та. 2018. № 1 (48). С. 26–29.

Чанышева З.З. Новые направления лингвистики на службе информационной войны // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: материалы Междунар. научн. конф., (10–14 октября). Екатеринбург, 2018. С. 277–279.

Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

Чудинов А.П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. научн. конф. (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 269–270.

Чудинов А.П. Когнитивная наука – когнитивные науки – федерация когнитивных наук (из истории российской когнитивной лингвистики) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 117–121.

Чудинов А.П., Цыганкова А.В. Политическая лингвистика и медиалингвистика: статус и грани соприкосновения // Медиалингвистика: материалы I Междунар. научно-практической конф. «Язык в координатах массмедиа» (Варна, 6–9 сентября 2016 г.). СПб., 2016. С. 289–290.

Шулежкова С.Г. Образ России на фоне цветных революций и Крымской весны в информационной войне начала XXI века // Образ России и условиях информационной войны конца XX – начала XXI века. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 23–25 ноября 2017 г.). Магнитогорск, 2017. С. 254–266.

Юсупова Р.Р., Теплых Р.Р. Демонизация «плохих» политических лидеров как инструмент информационной войны // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 163–167.

References

Bernackaya A.A. Simptomy informacionno-psihologicheskoy vojny, ili chem pahnet pokinutaya rodina (na material romana M.P. SHishkina «Venerin volos») [Symptoms of the information-psychological war, or what the abandoned homeland smells like (based on the material of M.P. Shishkin's novel "Hair Venus")]. *Ekologiya yazyka I kommunikativnaya praktika*, 2016, no 1 (6), pp. 239–258. Available at: <https://clck.ru/JuG6C> [accessed 16.07.2019].

Bernackaya A.A. O legitimnosti analiza hudozhestvennogo teksta v aspekte informacionno-psihologicheskoy vojny [On the legitimacy of the analysis of a literary text in the aspect of the information-psychological war]. *Ekologiya yazyka I kommunikativnaya praktika*, 2018, no 3, pp. 67–79. Available at: <https://clck.ru/JjKUf> [accessed 16.07.2019].

Borisova E.G. Leksicheskaya nominaciya v informacionnyh vojnah [Lexical nomination in information wars]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo un-ta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education], 2016, no 1 (21), pp. 61–65.

Vasil'ev A.D., Podsohin F.E. Informacionnaya vojna: lingvisticheskij aspekt [The Information War: Linguistic Aspect]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 2 (56), pp. 10–16.

Vesnina L.E., Nahimova E.A. Informacionno-psihologicheskie vojny v Rossii [Information and psychological wars in Russia]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 3 (63), pp. 140–145.

Vysockaya I.V., Petrova N.E. K problem periodizacii yazyka sovremennyh rossijskih SMI [On the problem of the periodization of the language of modern Russian media]. *Voprosy zhurnalistiki*, 2018, no 3, pp. 36–47.

Golodov A.G. "Futbol'nyj flang" informacionnoj vojny (namateriale nemeckoj massovoj pressy) [The "football flank" of the information war (based on German mass media)]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 2018, vol. 14, issuer 2–3 (40–41), pp. 5–18.

Dubrovskaya T.V., Reva E.K., Kozhemyakin E.A., YAroslavceva YA.A., Arekhina D.V. Politicheskij, yuridicheskij i massmedijnyj diskurs v aspekte konstruirovaniya mezhnacional'nyh otnoshenij Rossijskoj Federacii: kollektivnaya monografiya [Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing interethnic relations of the Russian Federation]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 248 p.

Dudareva Z.M., Nahimova E.A., Ryazanceva T.YU. Lingvistika informacionnoï voïny protiv Rossii, russkogo yazyka i pravoslaviya: teoriya, metodika i praktika [Linguistics of the information war against Russia, the Russian language and Orthodoxy: theory, methodology and practice]. *Aktual'nye problem filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2017, no 3, pp. 48–53.

Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. 06.06.2019) "O sredstvakh massovoj informacii" [The Law of the Russian Federation dated 12.27.1991 no. 2124-1 (as amended on 06.06.2019) "On the Media"]. *Konsul'tant Plyus [Consultant Plus]*. Available at: <https://clck.ru/DFK9Z> [accessed 16.07.2019].

Zaripov R.I. Metaforicheskie obrazy Rossii vo francuzskom politicheskom diskurse v kontekste vojny v Sirii [Metaphorical images of Russia in the French political discourse in the context of the war in Syria]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 6 (66), pp. 76–85.

Ivanova E.A. Lingvisticheskij fenomen post-pravdy v angloyazychnom politicheskom diskurse [Linguistic phenomenon of post-truth in the English-language political discourse"]. *Vestnik CHGPU*, 2017, no 9, pp. 154–159. Available at: <http://discourseworld.ru> [accessed 01.08.2019].

Ivanova S.V. Lingvisticheskaya resursnaya baza informacionnoï voïny : sozдание effekta demonizacii [Linguistic resource base of the information war: creating the effect of demonization]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 5 (59), pp. 28–37.

Kopnina G.A. Rechevye taktiki i priyomy diskreditacii pravoslaviya v sovremennoj informacionno-psihologicheskoy vojne (na materiale internet-tekstov) [Speech tactics and techniques of discrediting Orthodoxy in the modern information-psychological warfare (based on Internet texts)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 5 (65), pp. 206–216.

Kopnina G.A. Kontrmanipulyaciya v rechevoj kommunikacii: nekotorye perspektivy izucheniya [Counter-manipulation in speech communication: some perspectives of studying]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2018, no 2 (16), pp. 7–19.

Koreckaya O.V. Fejkovye novosti kak ob"ekt izucheniya medialingvistiki (na material angloyazychnyh SMI) [Fake news as an object of study of mediallynguistics (based on English-language media)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]*, 2017, no 9 (75), part 1, pp. 118–120.

Kocyubinskaya L.V. Metaforicheskoe predstavlenie informacionnogo sobytiya «sport Rossii» v britanskikh sredstvakh massovoj informacii [Metaphorical presentation of the information event "Sport of Russia" in the British media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]*, 2018, no 2 (80), part 1, pp. 87–90.

Kocyubinskaya L.V. Semanticheskoe opisanie leksicheskoy edinicy «informacionnaya ataka» [The semantic description of the lexical unit "information attack"]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no 1, 2018a, pp. 95–100. Available at: <https://clck.ru/JkgSt> [accessed 01.08.2019].

Koshkarova N.N. Fejkovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? [Fake news: creative solution or fraud?]. *Vestnik TGPU*, 2018, no 2 (191), pp. 14–18.

Koshkarova N.N., Ruzhenceva N.B., Zotova E.N. "Rossijskaya agresiya po-amerikanski" i "rossijskij sled" po-ukrainski ["Russian American aggression" and "Russian footprint" in Ukrainian]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no 1 (67), pp. 74–81.

Krasovskaya O.V. Informacionnaya vojna kak kommunikativnyj fenomen [Information war as a communicative phenomenon]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 4 (58), pp. 53–59.

Kushneruk S.L. Mediareal'nost' informacionno-psihologicheskoy vojny (na materiale britanskih gazet i novostnyh sajtov) [Media Reality of the Information-Psychological War (based on British newspapers and news sites)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no 4 (70), pp. 47–54.

Kushneruk S.L., Kurochkina M.A. Informacionnaya vojna: aspekty issledovaniya i perspektivy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya [Information war: research aspects and prospects of cognitive-discursive modeling]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 37: Integrativnye processy v kognitivnoj lingvistike: materialy mezhdunar. kongressa po kognitivnoj lingvistike (16–18 maya 2019 g.)* [Cognitive language studies. Vol. 37: Integrative processes in cognitive linguistics: international materials. Congress on Cognitive Linguistics (May 16–18, 2019)], Nizhnij Novgorod, Izd-vo DEKOM Publ., 2019, pp. 764–769.

Lauhina S.S., Turkin A.O. Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v rossijsko-ukrainskom informacionnom konflikte [Turkin A.O. Methods of language manipulation in the Russian-Ukrainian information conflict]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences], 2017, vol. 11, no 4, pp. 6–9.

Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny [Linguistics of the information-psychological war]: monografiya. Kniga 1. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017. 340 p.

Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny [Linguistics of the information-psychological war]: monografiya. Kniga 2 / A.A. Bernackaya, L.A. Gavrilov, V.A. ZHilina [i dr.]; pod red. prof. A.P. Skovorodnikova, Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2019. 488 p.

Ozyumenko V.I. Medijnyj diskurs v situacii informacionnoj vojny: ot manipulyacii k agressii [Media discourse in a situation of information warfare: from manipulation to aggression]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of RUDN University. Series: Linguistics], 2017, vol. 21, no 1, pp. 203–220.

Prilukova E.G. Sem'ya kak mishen' informacionno-psihologicheskoy vojny [Family as a target of information-psychological warfare]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2018, no 2, pp. 118–126. Available at: <https://elck.ru/JsWU6> u [accessed 01.08.2019].

Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem koncepta «informacionnaya voĭna» [Problems of constructing the identity of Russians in the discourse of the media under the influence of the concept of "information war"]: monografiya / O.I. Astashova, E.V. Bulatova, L.V. Enina i dr., pod red. E.V. CHepkinoĭ, Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyĭ uchenyĭ Publ., 2017. 196 p.

Rossiya glazami Evropy. Imidzh strany cherez prizmu yazyka [Russia through the eyes of Europe. The image of the country through the prism of language]: monografiya / M.M. Rusyaeva, E.B. Neshina, E.F. CHeremushkina. Saransk, 2018. 124 p.

Samkova M.A. Dezinformaciya kak sredstvo informacionno-psihologicheskoy vojny protiv Rossii (na materiale mediatekstov o hakerskih atakah) [Disinformation as a means of information-psychological warfare against Russia (based on media texts about hacker attacks)]. *Ekologiya yazyka i*

kommunikativnaya praktika, 2018, no 3, pp. 96–115. Available at: <https://clck.ru/JsWYL> [accessed 01.08.2019].

Sinel'nikova L.N. Informacionnaya vojna adinfinitum: ukrainskij vektor [Information war adinfinitum: Ukrainian vector]. *Politicheskaya lingvistika*, 2014, no 2 (48), pp. 95–101.

Tagil'ceva YU.R. Strategii i taktiki informacionno-psihologicheskoy vojny v kontekste rossijsko-britanskij otnoshenij [Strategies and tactics of information-psychological warfare in the context of Russian-British relations]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2018, no 4, pp. 92–104. Available at: <https://clck.ru/JsWeV> [accessed 01.08.2019].

Urazaeva N.R., Morozov E.A. Konceptualizaciya obraza Rossii v nemeckih SMI: peremeny k luchshemu? [Conceptualization of the image of Russia in the German media: changes for the better?]. *Mirovaya politika*, 2017, no 3, pp. 141–154.

Cycarkina N.N. Informacionnaya vojna i lingvokognitivnoe modelirovanie vooruzhyonnogo konflikta v politicheskom mediadiskurse [The information war and linguo-cognitive modeling of armed conflict in the political media discourse]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo un-ta*, 2018, no 1 (48), pp. 26–29.

CHanyшева Z.Z. Novye napravleniya lingvistiki na sluzhbe informacionnoj vojny [New directions of linguistics in the service of the information war]. *Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmedijnaya kommunikaciya: materialy Mezhdunar. nauchn. konf., (10–14 oktyabrya)* [Learning to understand Russia: political and mass media communication: materials of the Intern. scientific Conf., (October 10–14)]. Ekaterinburg, 2018, pp. 277–279.

CHugrov S.V. Post-truth: transformaciya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? [Post-truth: the transformation of political reality or the self-destruction of liberal democracy?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no 2, pp. 42–59.

CHudinov A.P. Ponyatijno-terminologicheskij apparat politicheskoy lingvistiki [The conceptual and terminological apparatus of political linguistics]. *Politicheskaya kommunikaciya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauchn. konf. (Ekaterinburg, 26–28 avgusta 2014 g.)* [Political communication: prospects for the development of the scientific direction: materials of the Intern. scientific conf. (Yekaterinburg, August 26–28, 2014)], Ekaterinburg, 2014, pp. 269–270.

CHudinov A.P. Kognitivnaya nauka – kognitivnye nauki – federaciya kognitivnyh nauk (iz istorii rossijskoj kognitivnoj lingvistiki) [Cognitive science – cognitive sciences – federation of cognitive sciences (from the history of Russian cognitive linguistics)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2015, no 1 (42), pp. 117–121.

CHudinov A.P., Cygankova A.V. Politicheskaya lingvistika i medialingvistika: status i grani soprikosnoveniya [Political Linguistics and Media Linguistics: Status and Contact Points]. *Medialingvistika: materialy I Mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konf. «Yazyk v koordinatah massmedia» (Varna, 6–9 sentyabrya 2016 g.)* [Media Linguistics: Materials of the I Intern. scientific and practical conf. “Language in the coordinates of the mass media” (Varna, September 6–9, 2016)]. SPb., 2016, pp. 289–290.

SHulezhkova S.G. Obraz Rossii na fone cvetnyh revolyucij i Krymskoj vesny v informacionnoj vojne nachala XXI veka [The image of Russia against the background of color revolutions and the Crimean spring in the information war of the beginning of the 19th century]. *Obraz Rossii i usloviyah informacionnoj vojny konca XX – nachala XXI veka. Tendencii obnovleniya politicheskogo diskursa: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Magnitogorsk, 23–25 noyabrya 2017 g.)* [Obraz Rossii i usloviyah

informacionnoj vojny konca XX – nachala XXI veka. Tendencii obnovleniya politicheskogo diskursa: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Magnitogorsk, 23–25 noyabrya 2017 g.)]. Magnitogorsk, 2017, pp. 254–266.

YUsupova R.R., Teplyh R.R. Demonizaciya «plohih» politicheskikh liderov kak instrument informacionnoj vojny [Demonizaciya "plohih" politicheskikh liderov kak instrument informacionnoj vojny]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 5 (65), pp. 163–167.

СВЕДЕНИЯ О БАВТОРАХ:

Кушнерук Светлана Леонидовна, д-р филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

профессор кафедры теории и практики английского языка

Челябинский государственный университет

Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

E-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Чудинов Анатолий Прокопьевич, д-р филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного

Уральский государственный педагогический университет

Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of English Philology Department

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Professor of the Theory and Practice of English Department

Chelyabinsk State University

69 Lenin Ave, Chelyabinsk 454080 Russia

E-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Chudinov Anatolii Prokopyevich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Intercultural Communication and Russian as Foreign Language

Ural State Pedagogical University

26 Kosmonavtov av., Yekaterinburg 620017 Russia

E-mail: ap_chudinov@mail.ru